

Житие преподобного Иоанна Дамаскина

Память 4 декабря (17 декабря по новому стилю)

Преподобный Иоанн Дамаскин родился в столице Сирии Дамаске, от знатных и благочестивых родителей (около 680 года), пламенная вера коих во Христа, испытанная в скорбях и искушениях, явилась крепче и драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытанного, золота. Тяжкое тогда было время. Сарацины завоевали ту страну и, взяв славный город, причиняли всякие беды христианам, одних убивая, других продавая в рабство, и никому не позволяя открыто проповедовать Христа. В то время родители Иоанна, покрываемые Промыслом Божиим, были сохранены в безопасности и здравии, со всем своим имением; соблюли они и святую веру, ибо Бог даровал им возможность снискать благоволение у Сарацин, как некогда Иосифу у Египтян (Бытие 41,37), и Даниилу у Вавилонян (Дан. 2,48), так что злочестивые Агаряне [\[1\]](#) не запрещали родителям святого веровать во Христа и открыто прославлять Его святое Имя. Кроме того, отца святого Иоанна они поставили городским судьей и начальником народных построек [\[2\]](#). Живя в таком благополучии, он сделал много доброго для своей единоверной братии: выкупал пленных, заключенных в темнице освобождал от оков и избавлял от смерти и всем страждущим подавал руку помощи. Родители преподобного были в Дамаске среди Агарян, как светильники в ночи, как семя во Израили, как искра в пепле. Для того они и сохранены были Богом, чтобы чрез них возгорелся в Церкви светильник, ясно светящий всему миру, - блаженный Иоанн Дамаскин. Родив его по плоти, они поспешили сделать его чадом света и чрез крещение, - что было делом весьма трудным в то время. Агаряне никому не позволяли принимать крещение, родители же святого беспрепятственно возродили свое дитя крещением и нарекли ему имя, означающее благодать Божию [\[3\]](#). Отец отрока очень заботился, чтобы он был воспитан в добром учении и научился не сарацинским обычаям, ни храбрости воинской, ни охоте звериной, ни другому какому либо мирскому искусству, но кротости, смирению, страху Божию и познанию Божественных Писаний. Поэтому усердно просил он Бога послать сыну человека мудрого и благочестивого, который был бы для отрока хорошим учителем и наставником в добрых делах. Родитель святого услышан был Богом и получил желаемое таким образом.

Дамасские разбойники совершали и на суше и с моря частые набеги на соседние страны, захватывали в плен христиан и, приводя в свой город, одних продавали на рынках, других предавали смерти. Однажды случилось им пленить некоего инока, именем Косму, - благообразного видом и прекрасного душою, происходившего из Италии. Вместе с прочими пленниками они решили продать его на рынке. Те же, которых разбойники хотели усечь мечем, припав к ногам сего инока, со слезами умоляли его помолиться Богу о душах их. Видя, какое почтение воздается иноку обреченными на смерть, Сарацины спросили его, каким саном и почетом пользовался он в своем отечестве среди христиан.

Он ответил:

- “Я не имел никакого сана, даже не был удостоен священства; я только грешный инок, наученный философии и не только христианской, но и той, которую измыслили языческие мудрецы!”

Сказав сие, инок горько заплакал. Невдалеке стоял родитель Иоанна; видя плачущего старца и узнав в нем по одежде инока, он подошел к нему и, желая утешить его в скорби, сказал:

- “Напрасно, человек Божий, ты плачешь о потере мира, которого ты давно отрекся и для которого умер, как я вижу по твоему виду и одежде”.

- “Я плачу, - ответил инок, - не о потере мира, для него, как ты сказал, я умер, и не забочусь ни о чем мирском, зная, что есть другая жизнь, лучшая, бессмертная и вечная, приготовленная рабам Христовым, которую надеюсь и я получить при помощи Божией; плачу же о том, что ухожу из сего мира бездетным, не оставив после себя наследника”.

Измумился родитель Иоанна словам инока и сказал:

- “Отче, ты - инок, посвятивший себя Богу для сохранения чистоты, а не для рождения детей: зачем ты скорбишь о детях?”

Инок ответил:

- “Ты не понимаешь, господин, сказанного мною: я говорю не о плотском сыне и не о земном наследстве, но о духовном. Я, как ты сам видишь, инок бедный и не имею ничего, но у меня есть большое богатство мудрости, которым я обогатился, с юных лет трудясь при помощи Божией. Я изучил различные человеческие науки: изучил риторику, диалектику, философию, преподанную Стагиритом и сыном Аристона [\[4\]](#), - знаю землемерие и музыку, хорошо изучил движение небесных тел и течение звезд, так что от красоты творения и премудрого устройства могу придти к более ясному познанию Самого Творца; наконец, я хорошо изучил и составленное греческими и римскими богословами - учение о тайнах православия. Имея сам такие познания, я никому их не преподавал, и тому, чему научился, никого не могу теперь учить, ибо не имею ни времени, ни ученика, и думаю, что я здесь умру от меча Агарян и явлюсь пред моим Господом, - как древо, непринесшее плода, как раб, сокрывший в землю талант господина своего (см. Матф. 25,15). Вот о чем я плачу и рыдаю. Как отцы по плоти скорбят о том, что, находясь в супружестве, не имеют детей, так и я скорблю и тужу, что не имею ни одного духовного сына, который был бы после меня наследником моего богатства мудрости”.

Услышав такие слова, отец святого Иоанна обрадовался тому, что нашел давно желаемое сокровище, и сказал старцу:

- “Не печалься, отче: Бог может исполнить желание сердца твоего”.

Сказав сие, он поспешно пошел к сарацинскому князю и, припав к ногам его, усердно просил отдать ему пленного инока, и не получил отказа: ему отдан был князем сей дар, который, действительно, был драгоценнее многих других даров. С радостию родитель Иоанна привел блаженного Косму в свой дом и утешал после долгого страдания, предоставив ему удобство и покой.

- “Отче, - сказал он, - будь господином моего дома и соучастником моих радостей и скорбей”.

И еще прибавил:

- “Вот Бог не только даровал тебе свободу, но и желание твое исполнил. Я имею сих двух детей, один мой сын по плоти - Иоанн, а другой - отрок, принятый мною вместо сына, родом из Иерусалима, сирота с детства; он имеет одно имя с тобою, ибо его тоже зовут Космою. Молю тебя, отче, научи их мудрости и добрым нравам и наставь их на всякое доброе дело, соделай их духоносными сыновьями своими, возроди и воспитай учением, и оставь их после себя наследниками того духовного богатства, которого никто не может похитить”.

Возрадовался блаженный старец Косма, прославил Бога и стал усердно воспитывать и учить обоих отроков. Отроки же были разумны, усвоили все преподаваемое учителем и успешно учились. Иоанн, как орел, парящий по воздуху, постигал высокие тайны учения, а духовный брат его Косма, как корабль, быстро несущийся при попутном ветре, скоро постигал глубину мудрости. Учась усердно и старательно, навыкли они в короткое время премудрости, изучили грамматику, философию и арифметику, и сделались подобными Пифагору и Диофану [5]; изучили они и землемерие так, что их можно было признать за новых Евклидов [6]. О том, как они усовершенствовались в поэзии, свидетельствуют составленные ими церковные песнопения и стихи. Не оставили они и астрономии, а также хорошо изучили и богословские тайны. Кроме того, они научились добрым нравам и добродетельной жизни и стали вполне совершенными в знании, мудрости духовной и мирской. Особенно преуспевал Иоанн. Ему удивлялся сам учитель, которого он превзошел в некоторых областях премудрости. И был Иоанн великим богословом, о чем свидетельствуют богодухновенные и богомудрые книги его. Но он не гордился такой своей мудростью. Как дерево плодовитое, чем больше возрастет плодов, тем ниже преклоняется к земле ветвями, так и Иоанн, чем больше преуспевал в мудрости, тем менее о себе думал и умел укрощать в себе суетные мечтания юности и помышления страстные, душу же свою, как светильник, наполненный елеем, возжигал огнем Божественного желания.

И сказал однажды учитель Косма отцу Иоанна:

- “Желание твое, господин, исполнилось: отроки твои хорошо научились, так что и меня уже превосходят мудростью: таким ученикам недостаточно быть равными своему учителю. Благодаря большой памяти и непрестанным трудам, они в совершенстве постигли всю глубину премудрости; Бог же умножил их дарование. Дальше их учить мне не требуется: они сами уже способны учить других. Поэтому умоляю тебя, господин, отпусти меня в монастырь, где я сам буду учеником и научусь высшей мудрости от совершенных иноков. Та мирская философия, которой я научился, посылает меня к философии духовной, которая достойнее и чище мирской, ибо она приносит пользу и спасает душу”.

Услыхав сие, отец Иоанна опечалился, не желая лишиться такового достойного и мудрого наставника. Однако он не осмелился удерживать старца, чтобы не опечалить его, исполнил его желание и, щедро наградив, отпустил с миром. Инок же, удалился в лавру преподобнаго Саввы [7] и, благополучно пожив там до своей смерти отошел к совершеннейшей Премудрости - Богу. Через несколько лет умер и отец Иоанна. Князь сарацинский, призвав Иоанна, предложил ему стать первым своим советником; Иоанн отказывался, имея другое желание - в безмолвии работать Богу. Однако он принужден был повиноваться и против желания принял начальство, - и получил в городе Дамаске власть большую, чем его родитель [8].

В то время в Греции царствовал Лев Исаврянин (716-741), который зверски, подобно рыкающему льву, восстал на Церковь Божию. Извергая иконы из святых храмов, он

предавал их пламени, а православно верующих и поклоняющихся святым иконам немилосердно терзал лютыми мучениями. Услыхав о сем, Иоанн возгорелся ревностью благочестия, подражая Илие Фесвитянину и одноименному себе Предтече Христову. Взяв меч Слова Божия, он начал им отсекал, как бы голову, еретическое мудрование нечестивого царя; он разослал много посланий о почитании святых икон тем правоверным, которые были ему известны. В сих посланиях, на основании Священного Писания и древнего предания Богоносных отцов, он мудро показал, как нужно воздавать должное поклонение святым иконам. Тех, кому он писал, Иоанн просил показать его послания другим единовѣрным братьям для утверждения их в православии. Так стремился святой наполнить всю вселенную богодухновенными своими посланиями [9].

Распространившись по всему греческому царству, они утверждали православных в благочестии, а еретиков поражали как бы остнами [10]. Слух о сем дошел до самого царя Льва, который, не вынося обличения своего нечестия, призвал к себе единомышленников ему еретиков и повелел им, чтобы они, приняв ложный вид благочестия, отыскивали между православными какое-нибудь послание Иоанна, написанное его собственной рукой, и попросили почитать как бы для своей пользы. После многих стараний, соучастники сего злобного замысла, нашли где-то у верующих одно послание, написанное собственною рукою Иоанна и, льстиво выпросив, отдали его в руки царю. Царь же поручил искусным писцам, чтобы они, смотря на письмо Иоанна, таким же буквами написали от лица святого послание к нему - царю Льву, как будто писанное собственноручно Иоанном и присланное из Дамаска. Послание же сие было таково:

"Радуйся, царь, и я радуюсь твоей державе во имя общей веры нашей, и воздаю поклонение и подобающую честь царскому твоему величеству. Извещаю тебя, что город наш Дамаск, находящийся в руках Сарацин, плохо охраняется и совсем не имеет крепкой стражи, войско в нем - слабое и малочисленное. Умоляю тебя, будь милостив к сему городу, ради Бога, пошли мужественное твое войско. Показав вид, что оно намеревается идти в другое место, оно может нечаянно напасть на Дамаск, и тогда ты без труда возьмешь город в свое владение; в сем много помогу и я, потому что город и вся страна - в моих руках".

Написав себе от лица Иоанна такое послание, хитрый царь повелел написать от себя сарацинскому князю так:

- "Нет ничего лучше, думаю я, как иметь мир и находиться в дружбе, ибо сохранять мирные обещания - весьма похвально и Богу любезно; посему и мир, заключенный с тобою, я желаю сохранить честным и верным до конца. Однако некий христианин, живущий в твоём государстве, частыми своими посланиями ко мне побуждает меня нарушить мир и обещает мне отдать город Дамаск в мои руки без труда, если я неожиданно пришлю свое войско. Посылаю тебе одно из тех посланий, которые писал сей христианин, - это убедит тебя в моей дружбе; а в том, кто осмеливается так писать мне, ты увидишь измену и вражду и будешь знать, как казнить его".

Сии два письма нечестивый царь Лев послал с одним своим приближенным в Дамаск к князю Сарацин. Приняв и прочтя их, князь призвал Иоанна и показал ему то лживое письмо, которое было написано к царю Льву. Иоанн, читая и рассматривая послание, сказал:

- "Буквы в этой хартии несколько походят на письмо моей руки, однако не моя рука писала сие, ибо мне никогда и в ум не приходило писать царю греческому; не может быть, чтобы я своему господину служил лукаво".

Иоанн понял, что сие было делом вражеской, злой, еретической хитрости. Но князь, придя в ярость, повелел отсечь неповинному Иоанну правую руку. Иоанн усердно просил князя, чтобы он подождал и дал ему несколько времени для выяснения своей невиновности и той ненависти, какую питает к нему злой еретический царь Лев, но он не достиг просимого. Сильно разгневанный князь повелел тотчас совершить казнь. И отрубили правую руку у Иоанна, - ту руку, которая укрепляла правоверных о Боге; эта рука, обличавшая своими писаниями ненавидящих Господа, вместо чернил, коими писала о почитании икон, было омочена своею собственною кровью. После казни, рука Иоанна повешена была на рынке, среди города, а сам Иоанн изнемогший от боли и потери крови, был отведен в дом свой. При наступлении вечера, узнав, что гнев князя уже прошел, блаженный послал к нему такую просьбу:

- “Увеличивается болезнь моя, и невыразимо меня мучает; не могу иметь отрады до тех пор, пока усеченная моя рука будет висеть на воздухе; молю тебя, господин мой, прикажи отдать мне мою руку, чтобы я мог похоронить ее в земле, ибо я полагаю, что если она будет погребена, то получу облегчение моей болезнью”.

Мучитель внял сей просьбе и повелел снять руку с общественного места и отдать Иоанну. Взяв усеченную руку, Иоанн вошел в свою моленную комнату и, павши на землю пред святою иконою Пречистой Богоматери, изображенной с Богомладенцем на руках, приложил отсеченную руку к суставу и стал молиться со слезами и воздыханием, исходящим из глубины сердечной:

- “Владычице Пречистая Мати, рождающая Бога Моего, вот правая моя рука отсечена ради Божественных икон. Ты знаешь, что привело Льва во гнев; поспеши же на помощь и исцели мою руку. Десница Вышняго, воплатившаяся из Тебя, ради молитв Твоих совершает многие чудеса, посему молю я, чтобы и мою десницу исцелил Он по Твоему ходатайству. О Богомати! пусть сия рука моя напишет то, что Ты Сама позволишь в восхваление Тебя и Сына Твоего, и да поможет своими писаниями православной вере. Ты можешь все сделать, если захочешь, потому что Ты - Матерь Божия”.

Говоря сие со слезами, Иоанн уснул и увидел во сне Пречистую Богоматерь, взирающую с иконы на него светлыми и милосердными очами и говорящую:

- “Рука твоя теперь здорова, не скорби об остальном, но усердно трудись ею, как обещался мне; сделай ее тростию скорописца”.

Проснувшись, Иоанн оцупал свою руку и увидел ее исцеленною. Он возрадовался духом о Боге Спасителе своем и Его Пренепорочной Матери, что Всемогущий сотворил над ним такое чудо. Восстав и воздев руки к небу, он вознес благодарение Богу и Богоматери. И радовался он всю ночь со всем домом, воспевая новую песнь:

- “Десница Твоя, Господи, прославилась в крепости (Исх. 15,6); десная Твоя рука исцелила мою усеченную десницу и сокрушит врагов, непочитающих Честного Твоего и Твоей Пречистой Матери образа, и уничтожит ея, для возвеличения славы Твоей, врагов, уничтожающих иконы”.

Когда Иоанн таким образом радовался с домашними и воспевал благодарственные песни, услышали сие соседи и, узнав о причине радости и веселия его, очень удивлялись. Вскоре узнал о сем и князь сарацинский и, тотчас призвав Иоанна, приказал показать ему усеченную руку. На суставе, от которого была отсечена рука, оставался на подобие

красной нити знак, образовавшийся изволением Богоматери, для очевидного показания бывшего отсечения руки. Увидав сие, князь спросил:

- “Какой врач и каким лекарством так хорошо присоединил руку к суставу, и так скоро исцелил и оживил ее, как будто она и не было отсечена и мертвою?”

Иоанн не скрыл чуда и во всеуслышание сказал о нем:

- “Господин мой, Всемогущий Врач, услышав чрез Пречистую Свою Матерь мою усердную молитву, исцелил Всемогущею Своею силою мою рану и сделал здоровою руку, которую ты повелел отсечь”.

Тогда князь воскликнул:

- “Горе мне! не рассмотрев клеветы, несправедливо осудил я и невинно казнил тебя, человек добрый; прошу тебя, прости нам, что мы так скоро и неразумно осудили тебя, прими от нас прежний сан твой и прежнюю честь и будь нашим первым советником. С этих пор без тебя и твоего совета ничего не будет совершаться в нашем государстве”.

Но Иоанн, упав в ноги князю, долго просил, чтобы он отпустил его от себя и не препятствовал ему следовать за Господом своим с теми иноками, которые отверглись себя и подъяли на себя иго Господне. Князю же не хотелось отпустить его, и он старался убедить Иоанна оставаться начальником над домом его и распорядителем всего государства. И был между ними долгий спор: один другого просил, один другого старался победить просьбой. С трудом Иоанн достиг своего: хотя и нескоро, но все же упросил он князя, и ему дана была свобода делать то, что ему угодно.

Возвратившись в свой дом, Иоанн тотчас роздал свои бесчисленные имения нуждающимся, рабов отпустил на свободу, а сам с соучеником своим Космою [\[11\]](#) отправился в Иерусалим. Там поклонившись святым местам, пришел он в лавру святого Саввы и стал умолять игумена, чтобы он принял его, как заблудшую овцу, и приобщил к избранному своему стаду. Игумен и вся братия узнали святого Иоанна, потому что он был уже в славе, и его знали все, благодаря его власти, почестям и великой премудрости. И радовался игумен тому, что такой человек пришел в смирение и нищету и хочет быть иноком. Приняв его с любовью, игумен призвал одного из братьев, наиболее опытного и потрудившегося в подвигах, желая поручить ему Иоанна под начало, чтобы он научил его и духовному любомудрию и иноческим подвигам [\[12\]](#). Но тот отказался, не желая быть учителем такого человека, который своею ученостию превосходил многих. Игумен позвал другого инок, но и этот не пожелал; также и третий и четвертый и все прочие отказались, каждый из них сознавался, что он недостойн быть наставником такого премудрого мужа; кроме того, все стеснялись и знатности Иоанна. После всех позван был один простой нравом, но разумный старец; он не отказался быть наставником Иоанна. Приняв Иоанна в свою келлию и желая положить в нем основание добродетельной жизни, старец прежде всего дал ему такие правила: чтобы он ничего не делал по своей воле; чтобы труды и усердные молитвы приносил Богу, как некую жертву; чтобы он проливал слезы из очей, если желает очистить грехи прошедшей жизни, ибо сие пред Богом ценнее всякого дорогого фимиама. Сии правила были основанием для тех дел, какие совершаются телесными трудами. Тому же, что приличествует душе, старец положил такие правила: чтобы Иоанн не имел в уме своем ничего мирского; не только не представлял в воображении каких-либо неприличных образов, но хранил бы ум свой неприкосновенным и чистым от всякого суетного пристрастия и пустой гордыни; чтобы не хвалился своей мудростью и тем, чему научился, и не думал бы, что может постигнуть все в совершенстве

до конца; чтобы не домогался каких-либо откровений и познания сокровенных тайн; не надеялся бы до конца жизни на то, что разум его непоколебим и не может согрешить и впасть в заблуждение; напротив, пусть знает, что помышления его немощны и разум может погрешить, а поэтому пусть старается не допускать рассеиваться помышлениям своим, и пусть заботится сосредоточить их воедино, чтобы, таким образом, ум его просветился от Бога, душа освятилась и тело очистилось от всякой скверны; пусть тело и душа его соединятся с умом и будут три во образ Святой Троицы, и соделается человеком ни плотским, ни душевным, но во всем духовен, изменившись добрым изволением из двух частей человека - тела и души, в третью и важнейшую, то есть в ум. Такие отец духовный своему духовному сыну и учитель ученику предписал уставы, присоединив еще и следующие слова:

- “Не только не пиши никому посланий, но даже и не говори о чем-либо из светских наук. Соблюдай молчание с рассуждением; ибо ты знаешь, что не только наши философы учат молчанию, но и Пифагор завещал ученикам своим долговременное молчание, и не думай, что безвременно говорить хорошее есть благо. Послушай Давида, сказавшего: *умолчах от благ* (Псал. 38,3). Какую же он от сего получил пользу? - послушай: *согреяся сердце мое во мне* (пс. 38,4), т.е. огнем божественной любви, который возжегся в пророке размышлением о Боге”.

Все сие наставление старца ушло в сердце Иоанна, как семя на добрую землю, и давши росток, укоренилось, ибо Иоанн, живя долгое время при Богодуховенном том старце, внимательно исполнял все наставления его и слушал приказания его, повинуюсь ему нелицемерно, без прекословия и всякого ропота; даже в мыслях никогда не сопротивлялся он велениям старца. Вот что начертал он в сердце своем, как на скрижалях: “Всякую заповедь отца, по учению апостольскому, должно исполнять без гнева и сомнения” (1 Тим. 2,8). Да и какая будет польза, находящемуся в послушании, иметь в руках дела, а в устах ропот, исполняя приказание, а языком или умом прекословить, и когда такой человек будет совершенным? Никогда. Напрасно такие люди трудятся и думают, что живут добродетельно; соединяя послушание с ропотом, они носят в глубине своей змия.

Блаженный же Иоанн, как истинный послушник, во всех заповеданных ему службах являлся безропотным.

Однажды старец, желая испытать послушание и смирение Иоанна, собрал много корзин, плетение которых доставляло их занятие, и сказал Иоанну:

- “Я слышал, чадо, что в Дамаске корзины продаются дороже, чем в Палестине, у нас же не хватает в келлиях много самого необходимого, как ты и сам видишь. Итак возьми эти корзины, пойдя скорее в Дамаск и продай их там. Но смотри, не продавай их дешевле назначенной цены”.

И назначил старец цену корзинам гораздо выше, чем они стоят. Истинный послушник ни словом, ни в уме не прекословил, не сказал, что те корзины не стоят назначенной цены, и что дорога очень дальняя; не помыслил даже того, что ему стыдно идти в тот город, где его все знают и где он был раньше всем известен по своей власти; ничего подобного не сказал он и не помыслил, являя себя подражателем покорному до смерти Владыке Христу.

Сказав: “Благослови, отче” - и приняв благословение от своего духовного отца, Иоанн тотчас взял на плечи корзины и поспешил к Дамаску. Одетый в разорванные одежды, ходил Иоанн по городу и продавал на рынке свои корзины. Желаящие купить те корзины спрашивали, почем они продаются, и, узнав высокую их цену, бранились и смеялись,

оскорбляли и укоряли Иоанна. Знакомые блаженного не узнавали его, потому что он, некогда носивший златотканые одежды, был одет в рубище нищих, лицо его изменилось от поста, щеки высохли и красота увяла. Но один гражданин, который был некогда у Иоанна слугою, взглядевшись внимательно в его лицо, узнал святого и удивился его нищенскому виду. Сжалившись и вздохнув от сердца, подошел он к Иоанну, как к незнакомому человеку, и дал ему за все корзины цену, назначенную святым, - не потому, что он нуждался в корзинах, а из сожаления к такому человеку, который от великой славы и богатства пришел, ради Бога, в такое смирение и нищету. Взяв плату за корзины, Иоанн возвратился к пославшему его, как бы некий победитель с войны, низвергший на землю послушанием врага диавола, а с ним и гордость с суетной славою.

По прошествии некоторого времени, умер один инок той лавры. Родной брат его, оставшись одиноким после умершего, неутешно плакал по нем. Иоанн много и долго утешал его, но не мог утешить безгранично огорченного и опечаленного брата. Он со слезами начал просить Иоанна, чтобы тот для утешения и ослабления его печали написал для него какую-нибудь умилительную надгробную песнь. Иоанн отказывался, боясь нарушить заповедь старца, который приказал ему ничего не делать без его повеления, но сетующий брат не переставал молить Иоанна, говоря:

- “Почему ты не смилуешься над моей скорбной душою и не подашь мне хотя малого лекарства в моей великой сердечной болезни? Если бы ты был врач телесный и случилась со мною какая-нибудь болезнь, и я просил бы тебя полечить меня, неужели бы, имея возможность врачевать, ты отверг бы меня, и я умер бы от той болезни? Не дал ли бы ты ответа Богу за меня, потому что мог помочь мне и отказался? Теперь же я больше страдаю от сердечной болезни и ищущу от тебя самой малой помощи, ты же пренебрегаешь мною. А если я умру от печали, то не дашь ли ты за меня большего ответа Богу? Если ты боишься приказаний старца, то я так скрою у себя написанное тобой, что твой старец не узнает и не услышит об этом”.

Иоанн наконец склонился на такие речи и написал следующие надгробные тропари:

- *“Кая житейская сладость”, “Вся суета человеческая”, “Человецы, что в суете мятемся”,* и прочие, которые и до сего времени поются в церкви при отпевании умерших [\[13\]](#).

Однажды, когда старец ушел куда-то из келлии, Иоанн, сидя в ней, пел составленные им тропари. Через некоторое время старец возвратился и, приближаясь к келлии, услышал пение Иоанна. Тотчас он поспешно вошел в келлию и стал с гневом говорить ему:

- “Что так скоро забыл ты обещания и, вместо того, чтобы плакать, радуешься и веселишься, напевая себе какие-то песни?”

Иоанн рассказал причину своего пения и, объясняя, что он был вынужден слезами брата написать песни, стал просить у старца прощения, павши ниц на землю. Однако старец, неумолимый, как твердый камень, тотчас отлучил блаженного от своего сожительства и выгнал из келлии. Изгнанный Иоанн вспомнил изгнание Адама из рая, случившееся за непослушание, и горько плакал пред келлиею старца, как некогда Адам пред раем. После сего пошел он к другим отцам, которых признавал совершенными в добродетели, и молил их, чтоб они пошли к старцу и упростили его простить ему согрешение. Они пошли и молили старца, чтобы он простил своего ученика и принял в свою келлию; но тот остался непреклонным к их просьбам. Один из отцов сказал ему:

- “Наложи на согрешившего епитимию [\[14\]](#), но не отлучай от сожительства с тобою”.

Старец сказал:

- “Вот какую епитимию налагаю я на него, если он хочет получить прощение за свое непослушание: пусть он очистит своими руками проходы всех келлий и вымоет все смрадные места в лавре”.

Отцы устыдились таких слов и в смущении ушли, дивясь жестокому и непреклонному нраву старца. Встретив их и по обычаю поклонившись, Иоанн спросил, что сказал им отец. Поведав о жестокости старца, они не осмелились сказать про то, что ему назначил старец для испытания; им совестно было передавать о таких повелениях старца. Но Иоанн неотступно просил их сказать, что назначил ему отец, и, узнав, возрадовался сверх ожидания, принимая с охотою назначенное ему дело, хотя оно и возбуждало стыд. Тотчас приготовив сосуды и орудия для чистки, начал он с усердием исполнять повеление, касаясь нечистот теми руками, которые прежде умащал разными ароматами, и оскверняя нечистотами ту десницу, которая чудесно была исцелена Пречистою Богородицею. О, глубокое смирение чудного мужа и истинного послушника! Умилился старец, увидев такое смирение Иоанна, и, придя к нему, обнял его и целовал голову, плечи и руки его, говоря:

- “О, какого страдальца о Христе сделал я? Вот истинный сын блаженного послушания!”

Иоанн же, стыдясь слов старца, пал ниц пред ним, как пред Богом, и, не превозносясь похвальными речами отца, но еще более смиряясь, молил, чтобы он простил прегрешение его. Взяв Иоанна за руку, старец ввел его в свою келлию. Иоанн так обрадовался сему, как будто ему возвратили рай, и жил он со старцем в прежнем согласии.

Спустя немного времени, Владычица мира, Пречистая и Преблагословенная Дева в ночном видении явилась старцу и сказала:

- “Зачем ты заградил источник, могущий источать сладкую и изобильную воду, - воду, которая лучше истекшей из камня в пустыне (Числ. 20,11), - воду, которую желал пить Давид (2 Царс. 23,15), - воду, которую обещал Христос Самарянке (Иоан. 4,14)? Не препятствуй источнику течь: изобильно потечет он, и всю вселенную протечет и напоит; покроет моря ересей и претворит их в чудную сладость. Пусть жаждущие стремятся к сей воде, и те, которые не имеют серебра чистой жизни, пусть продадут свои пристрастия и подражанием добродетели Иоанна пусть приобретут у нее чистоту в догматах и в делах. Он возьмет гусли пророков, псалтирь Давида, воспоет новые песни Мариами (Исх. 20) [\[15\]](#). Ничто в сравнении с ним бесполезные песни Орфея, о которых повествуется в баснях; он воспоет духовную небесную песнь и будет подражать херувимским песнопениям. Все церкви Иерусалимские сделает он как бы отроковицами, играющими на тимпанах, чтобы они пели Господу, возвещая смерть и Воскресение Христа; он напишет догматы православной веры и обличит еретические лжеучения; *сердце его изведет слово благо, и изрекчет дела царева пречуднейшая*” (сравни Псал. 44,2).

На утро старец, позвав Иоанна, сказал ему:

- “О, чадо послушания Христова! открой уста твои, чтобы привлечь дух, и то, что восприял сердцем, скажи устами; пусть они говорят о премудрости, которой ты научился размышлением о Боге. Открой уста твои не для повествований, а для слов истины, и не для гаданий, а для догматов. Говори к сердцу Иерусалимскому, созерцающему Бога, т.е. к умиротворенной церкви; говори не пустые слова, на воздух бросаемые, но те, которые Дух Святой начертал на твоём сердце. Взойди на высокий Синай Боговидения и

откровения Божественных тайн и за великое твое смирение, путем которого ты сошел до последней глубины, взойди теперь на гору церковную и проповедуй, благовествуя Иерусалиму. Крепко возноси голос твой, ибо много славного мне сказала о тебе Богоматерь. Меня же, молю, прости за то, что я тебе был препятствием по своей грубости и неведению”.

С того времени блаженный Иоанн начал писать божественные книги и слагать сладкозвучные песнопения. Он составил октоих, которым, как духовную свирелью, и до сего времени увеселяет церковь Божию. Первую свою книгу Иоанн начал такими словами:

- *“Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися”* [16].

По поводу же чудесного исцеления своей десницы, он, в восторге радости, так взывал к Богородице:

- *“О тебе радуется, благодатная, всякая тварь”* [17] и прочая.

Плат, коим была обвита отсеченная его рука, Иоанн, в воспоминание дивного чуда Пречистой Богородицы, носил на своей голове. Написал он и житие некоторых святых; составил праздничные слова и разные умиленные молитвы, изложил догматы веры и многие таинства Богословия; писал он и против еретиков, в особенности против иконоборцев; составил и другие полезные сочинения, коими и до сего времени верные питаются, как духовною пищею, и из которых пьют, как из сладкого ручья [18].

К таким трудам преподобного Иоанна поощрял блаженный Косма, который рос с ним и учился у одного учителя. Он побуждал его к писанию Божественных книг и составлению церковных песней и сам помогал ему. Впоследствии Косма был поставлен Иерусалимским патриархом во епископа Маюмского. После сего тот же патриарх, призвав преподобного Иоанна, посвятил его во пресвитера. Но Иоанн не хотел долго оставаться в мире. Уклоняясь от мирской славы, возвратился он в обитель преподобного Саввы и, уединившись в своей келлии, как птица в гнезде, прилежно занимался писанием Божественных книг и делом своего спасения. Собрал все написанные им прежде книги, Иоанн опять прочитал их и тщательно исправил в них то, что считал нужным исправить, особенно в словах и речах, чтоб в них ничего не осталось неясным. В таких трудах, полезных для себя и важных для Церкви Христовой, и в подвигах иноческих Иоанн провел много времени и достиг совершенного иночества и святости. Угодив Богу, он отошел ко Христу и Пречистой Его Матери [19], и ныне, поклоняясь не в иконах, но созерцая Лица Их в небесной славе, молится о нас, чтобы и мы сподобились того же Божественного созерцания, святыми его молитвами и благодатию Христа, Ему же с Препетою и Препоблагословенною Его Матерью да будет честь, слава и поклонение во веки. Аминь.

Тропарь преподобного, глас 8:

Православия наставниче, благочестия учителю и чистоты, вселенная светильниче, монашествоующих Богодухновенное удобрение, Иоанне премудре, ученьми твоими вся просветил еси, цевнице духовная. Моли Христа Бога, спаситися душам нашим.

Кондак, глас 4:

Песнописца и честнаго Богоглагольника, Церкви наказателя и учителя, и врагов сопротивоборца Иоанна воспоим: оружие бо взем, крест Господень, всю отрази ересей прелесть, и яко теплый предстатель к Богу, всем подает прегрешений прощение.

Жития святых Свт. Димитрия Ростовского
(Декабрь, день четвертый).

[1] Агаряне или иначе Сарацины - аравийские бедуины. Наименование Агарян, означавшее первоначально это кочующее племя, впоследствии распространено было христианскими писателями на всех арабов, а затем стало означать вообще всех мусульман. Агарянами аравийские бедуины назывались от того, что, по еврейскому преданию, они были потомками Измаила, сына Агари, рабыни Авраамовой

[2] Отец святого Иоанна Дамаскина, Сергей Мансур, исправлял при калифе Дамасском Абд-Альмалике (685-705) должность собственно главного логофета, т.е. распорядителя казною, казначея.

[3] Иоанн, в переводе с еврейского, значит: Божия Благодать.

[4] Стагир - город на Халкидонском полуострове, где родился греческий философ Аристотель (4 век до Р.Х.), названный потому Стагиритом. Сыном Аристана здесь назван греческий философ Платон (4 век до Р.Х.). Философия - наука, занимающаяся исследованием высших вопросов бытия: о Боге, о начале, сущности и законах мира и человека, о предназначении человека и конечных целях существования мира и т.п. Риторика и диалектика - науки, исследующие законы мышления и способы их выражения

[5] Пифагор - знаменитый греческий философ 6 века до Р.Х. Диофан - александрийский математик 4 века по Р.Х.

[6] Евклид - математик 3 века до Р.Х.

[7] Преподобный Савва, т.н. "Освященный", великий пустынный Палестинский (память его 5 декабря), ученик и сподвижник преподобных Евфимия и Феодосия Великих, впоследствии подвизался уединенно в пустыне близ Иерусалима, где в 484 году основал в 12 верстах от Иерусалима монастырь, известный после под именем Лавры Саввы Освященного.

[8] Высшей власти при дворе святой Иоанн Дамаскин достиг при калифе Велиде (705-715 г.), у которого он был ближайшим советником и министром. Но, приняв на себя обязанности нового звания, он никогда не забывал своего высшего служения - Иисусу Христу, и всегда старался быть верным истине Христовой и полезным святой Церкви. Возвещение истины Христовой и обличение лжеучений стало для Иоанна главным делом жизни. И он, с первых же пор своей деятельности, выступил на борьбу с еретиками того времени: с пользовавшимся покровительством в Сирии несторианами, разделявшими человеческое и Божеское естество в Иисусе Христе и учившими, что от Девы Марии родился человек Иисус, с Которым, с момента зачатия Его, соединился Бог-Слово Своею благодатию и обитал в Нем, как в храме, и с монофизитами или яковиатами, признававшими во Христе одно Божественное естество, которое будто бы поглотило в

Нем человеческое естество. Против последних Иоанн Дамаскин написал довольно пространное, основательное сочинение в защиту чистой, православной веры. Кроме того он боролся с выродившимся из монофизитства монофелитством, признававшим в Христе одну только волю Божественную, и с остатками древних учений гностических, соединенными с лжеучениями манихейскими - с ересью т.н. "Павликиан", признававших, кроме благого Бога, сотворившего чистого духа и открывшегося в христианстве, еще злое начало - димиурга, сотворившего видимый мир и тело человеческое и открывшегося в иудействе и язычестве; воплощение Сына Божия, по учению "Павликиан" было только кажущимся; все обряды и внешние учреждения Церкви они отрицали. Наконец, Иоанн Дамаскин написал также апологию против магометанства, которое в то время господствовало в Сирии.

[9] Святой Иоанн Дамаскин написал сочинение в защиту святых икон и послал его в Константинополь, где между прочим писал: "сознавая мое недостойство, без сомнения я должен бы молчать и оплакивать грехи мои пред Богом; но видя, что Церковь Божия волнуется жестокою бурей, думаю, что теперь не время молчать, боюсь Бога более, чем государя земного, между тем власть государя так велика, что легко может увлекать народ". Но оскорбительного в этом сочинении по отношению к императору Льву святой Иоанн ничего не сказал. По просьбе друзей своих, Иоанн написал еще одно за другим два послания в защиту святых икон. Послания Иоанна с жаждою читали в Константинополе и в других местах; немощные поддержаны были ими в православии, а сильные укреплялись в силе.

[10] Остроконечная трость, употреблявшаяся для побуждения ослов и волов идти скорее.

[11] Соученик и друг Дамаскина Косма, впоследствии епископ Маюмский, один из величайших песнописцев Восточной Православной Церкви. Память его празднуется Церковью 12 октября

[12] По уставу святого Саввы Освященного, каждый новопоступающий поручаем был для испытания, надзора и вразумления старцу, опытному в духовной жизни. Так поступили и с Иоанном, несмотря на то, что его благочестивая жизнь и обширная ученость были известны по всему востоку.

[13] Таковы, например, *"Увы мне, яковый подвиг имать душа разлучающися от телесе"*, *"Господь есть мирское пристрастие"*, *"Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и пепел"*, *"Плачу и рыдаю"* и другие, так называемые "самогласны". Все они отличаются необыкновенной трогательностью; естественно и с силою при гробе сынов Адамовых изображаются в них участь сына персти и суета и тленность всего земного и возносятся к Богу умиленные моления о упокоении усопшего. Все они вошли в последования погребения усопших и употребляются в Православной Церкви до настоящего времени

[14] Епитимия, с греческого значит: возмездие, наказание, запрещение. Епитимия установлена в Церкви для кающихся в глубокой древности и основывается на словах апостола Павла, который, давая Коринфянам совет или правило (канон) прощать грехи кающемуся и принимать его в свое общение, говорит: *довольно таковому запрещение*, - и присоединяет, что если они примут его в любовь свою, то и он - также. В требнике епитимия называется "канон (правилом) удовлетворения". Таким образом, по указанию апостола, епитимия состоит в запрещении согрешившему на время иметь общение с Церковью, почему она и есть наказание. Но в то же время она не имеет значения меры карательной, лишения прав члена Церкви; она является лишь "врачевством духовным". На языке церковных канонов, епитимия означает добровольное исполнение

исповедавшимся, по назначению духовника, тех или иных дел благочестия (продолжительная молитва, милостыня, усиленный пост, паломничество и т.п.)

[15] Как известно, песнопения Моисея и Мариами по переходе Израильтян через Черное море вошли в состав многих песнопений Иоанна Дамаскина и, между прочим, послужили основанием 1 песни канонов

[16] 1 ирмос 1 гласа в октоихе. Октоих был одним из первых песенных трудов святого Иоанна Дамаскина. По словам патриарха Иерусалимского Иоанна, святой Дамаскин, непоколебимый исповедник и страдалец за почитание святых икон, воодушевленный чудесным исцелением руки его, отсеченной врагами веры, воспел сию торжественную песнь: *Твоя победительная десница боголепно в крепости прославися*, в основание которой положена была победная, благодарственная песнь Моисея при переходе Израильтян чрез Черное море, - после чего следовали ряды других священных песней, составлявших из себя октоих, или осмогласник (воскресные службы, разделенные на 8 гласов), появление которого произвело перемену во всем составе церковной службы. Еще при жизни святого Дамаскина октоих его принят был по всему востоку, а чрез несколько времени перешел и на запад; впоследствии октоих был умножен песнопениями других христианских песнотворцев, но и в настоящем виде службы на воскресные дни в главном своем составе принадлежат святому Иоанну Дамаскину. Октоих содержит в себе службу на каждый день седмицы, совершаемую по одному из восьми гласов или напевов, чинопоследования вечерни, повечерия, утрени и литургии для будничных дней, а для воскресных, кроме того, - малой вечерни и полунощницы. Пение октоиха начинается в будни после Воскресения (недели) Всех Святых и оканчивается пред субботою недели Мясопустной; в воскресные же дни начинается с Воскресения, следующего за неделей Всех Святых и продолжается до 5 недели великого поста. Не употребляется октоих при богослужении, кроме указанных промежутков, еще в двенадцатые праздники и в предпраздненства их, случающиеся в будни. Октоих придал службе большую определенность и единообразие. Сообщив церковному пению и правильное единообразие и чувства, достойные христианского служения, святой Дамаскин тем самым положил своим октоихом преграду господствовавшему до него в церковном пении неустройству. Из многообразных мелодий он избрал для церковных песнопений преимущественно такие, кои способны выражать чувствования приличные христианам, и оставил те, кои могут возбуждать чувствования, несообразные с важностью христианства. Он ограничился осмью гласами для того, чтобы молящиеся не развлекались разнообразием и частою переменою напевов, и чтобы определенное число мелодий, удерживая внимание на достойных и вместе понятных для каждого напевах, возбуждало определенные и достойные качества и утверждало в общем внимании дух и содержание воспеваемых молитв. Также определенность напевов положила конец произвольным вымыслам изысканного, рассеянного, неблагоговеиноу искусства, а простота напевов осмогласника, выражая смиренную простоту молитвы христианской, располагает душу к такой же молитве и, исторгая ее из шума суеты, как бы возносит к престолу Божию. В то же время восемь гласов как бы указывают на восемь голосов небесной Иерархии, непрестанно славословящей Бога: - Божию Матерь, ангелов, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных и праведных, и посему пение октоиха может духовно и таинственно знаменовать немолчное молебное пение по подобию святых, вечно ликующих на небеси пред престолом Божиим. - Музыкальные знаки октоиха святого Иоанна Дамаскина были крюковые.

[17] Впоследствии сия торжественная песнь в честь и прославление Пресвятой Богородицы вошла в состав литургии Василия Великого в качестве задостойника. - Среди других многочисленных песнопений святого Иоанна Дамаскина вообще особенно много

было составлено песнопений в честь Богородицы, под особым благодатным покровительством и заступлением Которой он находился. Таковы, например, его каноны на Благовещение, Успение, Рождество Богородицы, *“Милосердия двери отверзи нам”*, *“Преславная Приснодево, Мати Христа Бога, принеси нашу молитву Сыну Твоему”*, *“Многая множество моих, Богородице, прегрешений”*, *“Все упование мое на тя возлагаю”* и другие. Вообще, как церковный песнопевец, Дамаскин более высок, чем во всех других отношениях, и положительно неподражаем, почему за свои песнопения и назван “Златоструйным”, и это имя вполне приличествует ему: все его песнопения заслуживают наименования песней образцовых; во всех них видно замечательное одушевление, свойственное высокому певцу. Из 64 составленных им канонов самый возвышенный, торжественный и светлорадостный - канон на святую Пасху. Святым Иоанном Дамаскиным составлена и вся Пасхальная служба, после которой в образцах человеческого творчества нельзя найти другой песни, более полной чувствованиями столько же живыми, сколько и высокими, восторгами святыми и истинно неземными. Каноны на Рождество Христово, Богоявление Господне, Вознесение Господне со стихирами приближаются к Пасхальному. Воскресные службы его столько же превосходны по поэтической силе, сколько и по догматическому содержанию. Дамаскиным же написан прекрасный тропарь *“Пречистому Твоему образу поклоняеися, Благий”*. Замечательны также его антифоны и песни надгробные - образцовые и трогательные песни кающейся души. Дамаскиным же составлено было много стихир и других церковных песнопений. Вообще Дамаскин - такой песнописец, выше которого не прежде, ни после не было в Церкви.

[18] Кроме своих песнопений, святой Иоанн Дамаскин прославился своими богословскими сочинениями, которые дают ему почетное место между великими отцами Церкви. Тщательное изучение философии греческого ученого Аристотеля образовало в нем мыслителя отчетливого, точного в свои понятия и слова. Святой Иоанн первый из отцов Церкви изложил в стройном, систематическом порядке богословское учение Православной Церкви, в чем его неотъемлемая слава. В своих сочинениях Дамаскин является догматиком и полемиком, историком и философом, оратором и поэтом церковным. Трех главнейшим своим сочинениям: диалектике, книге о ересь и изложению веры, совершенно различным по предмету, он дал одно общее название - “Источник знания”. Важнейшим из них является “Изложение православной веры”, составляющее стройное и последовательно изложенное систематическое учение о созерцательных истинах Откровения, служившее образцом для богословов восточных и западных. Кроме того, в таком же строгом порядке святым Иоанном написаны: “Священные параллели” - сличение изречений Священного Писания об уставах веры и благочестия с изречениями отцов и учителей Церкви; предметы здесь расположены по алфавиту для того, чтобы быть ближе к общему разумению; “Руководство” - объяснение важнейших богословских выражений, неправильное понимание которых в древности было причиною ересей; несколько небольших сочинений по догматике: “О правильном размышлении” - с объяснением учения шести вселенских соборов; “О святой Троице”, “Об образе Божиим в человеке”, “О природе человека” и прочее. Между сочинениями святого Иоанна против еретиков первое место занимают три слова его против порицающих иконы; ему же принадлежит апология против магометан и сочинения против несториан, монофизитов, монофелитов и манихеев. Далее должно отметить краткие толкования на послания апостола Павла, обширное воспоминание о святом мученике Артемии и его проповеди, например на Преображение Господне, Рождество и Успение Богородицы, Слово об усопших в вере, наставление о восьми злых помыслах и т.д. Наконец важную услугу Дамаскин оказал чину богослужения, пересмотрев и дополнив устав Иерусалимский, составленный преподобным Саввою Освященным и составил месяцеслов

[19] Святой Иоанн Дамаскин скончался около 777 года, 104 лет от роду, и был погребен в лавре Саввы Освященного подле раки святого основателя Лавры. При императоре Византийском Андронике-2 Палеологе (1282-1328 г.) святые мощи его перенесены были в Константинополь